

Жан-Пьер Бакри: «Секрет счастья — свобода в душе»

— Говорят, что вы терпеть не можете смотреть на себя в кино.
— Да, некоторые фильмы со своим участием я так и не посмотрел. Когда их показывают по телевизору, я смотрю краем глаза на экран и сразу же выключаю. Я страдаю нарциссизмом навыворот. Играя, воображаю, что идеально понимаю своего героя, и когда вижу результат, всегда бываю страшно разочарован. Мне все время кажется, что я увижу на экране очаровательного парня с бездной таланта и обаяния (смех). И каждый раз — мордой в грязь!

— А ваш новый фильм "Кеннеди и я" вы смотрели?

— Да, на фестивале в Сарла, вместе со зрителями. Я стараюсь никогда не смотреть свои фильмы в одиночку, — боюсь, что покончу с собой, не отходя от экрана.

— В этом фильме вы пошли гораздо дальше, чем обычно. Вам трудно было менять свой экранный имидж?

— Нет. Симон, мой герой — он одновременно и близок мне, и далек. У меня нет его мечтаний, но есть его трезвомыслие. Подобно ему, я понимаю человеческое смятение и неуверенность; считаю, что люди далеко не так мужественны и героичны, как пытаются изображать. Я понимаю Симона, когда он говорит: "К чему весь этот маскарад?" Сам себе так говорю по 20 раз на день. Но когда он заявляет: "Я мечтал о гениальном сыне, а получил двух дебилов", — не могу к нему присоединиться. Мне это кажется глупым.

— Вам сильно помогало, что режиссером фильма стал ваш друг Сэм Карманн, с которым вы знакомы уже 25 лет?

— Конечно, важно было, что мы понимали друг друга с полуслова. Но если бы на месте Сэма оказался другой режиссер с такими же взглядами и установками, я бы стал работать с ним точно так же.

— Про вас часто говорят, что работаете только с теми, кто вам нравится.

— Это главный элемент успеха — конечно, если понимать слово "нравиться" в самом широком смысле. Я считаю, что и в круг моих друзей входят, например, зрители, которые после просмотра подходят ко мне и говорят, как им понравилось мое кино. И Аньес (Аньес Жауи, подруга жизни и постоянный соавтор Бакри) я тоже в первую очередь воспринимаю как друга. Я люблю с ней работать и совершенно не могу писать в одиночку. Слово во мне выключается какая-то лампочка. Одиночество и провал для меня синонимы.

— Вы редко говорите о своем детстве.

— Не могу вспомнить ничего хорошего. До 20 лет ненавидел жизнь. Я не мог ничего решать. Мне говорили, когда вставать и когда ложиться. Я делал, что мне приказывали, говорил, что мне приказывали, думал, что мне приказывали. Дом — школа — дом. Потом — армия. Потом — банк; я недолго работал в банке. До 10 лет жил в Алжире, потом меня отправили жить в Канн.

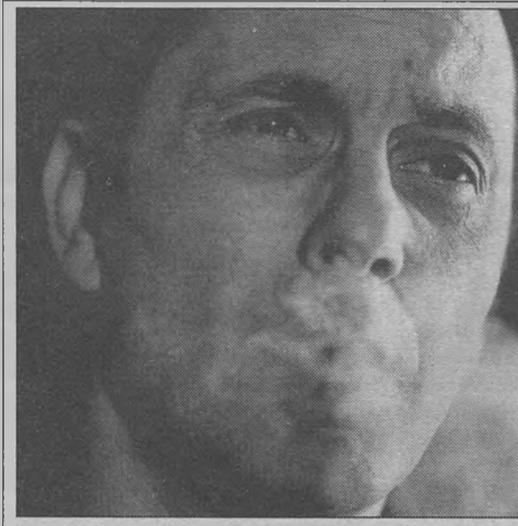
— Вам запомнилось что-нибудь в Алжире?

— Я почему-то помню только скучные семейные обеды и как меня наряжали в неудобные костюмы. Какие-то отрывочные воспоминания о красивых пейзажах, вкусной еде — но все теряется в тоске и скуке. Отец работал на трех работах. Утром — у арендатора, днем — почтальоном, вечером — билетером в кинотеатре.

— Вы уже тогда начали смотреть фильмы?

— Да, ходил в кино, но никогда не пытался представить себя на месте актеров. Никогда не мечтал о кино, просто смотрел и переживал за героев. У меня никогда не было амбиций стать звездой, или дипломатом, или руководителем крупного предприятия. Я просто хотел поскорее стать взрослым.

— О вас рассказывали байки, будто вы сбежали из Канн в Париж из-за картонного долга.

Удостоенный два года назад двух "Сезаров" (сценарий и роль второго плана) за фильм "Мы знаем эту песню", Жан-Пьер Бакри в этом году едва не стал лауреатом премии Французской академии в категории "лучший актер". Награда ускользнула от него, но фильм "Кеннеди и я" доказал, что Бакри, долгие годы игравший роли второго плана, способен вынести на своих плечах не просто фильм, а комедию — то есть жанр, редко попадающий в поле зрения Киноакадемии. В фильме "Кеннеди и я" Бакри играет 50-летнего писателя, который переживает творческий и семейный кризис.

— Нет, это было не так романтично. Я действительно играл в покер и однажды проиграл четыре тысячи франков. В 1972 году это составляло мою трехмесячную зарплату. Мне пришлось занять деньги в банке, чтобы отдать долг. А уехал я уже после этого случая. Начиная с октября в Канне нечего делать. Летом там весело, много красивых девчонок, но зимой жуткая скучища. Мы с приятелем продержались до 1 ноября 1974 года и уехали в Париж. Мы были готовы ко всему. Нам казалось, что мы можем выступить в закусокных с юморесками — мы очень любили хохмить, нам казалось, что нас возьмут ко работу. Естественно, в Париже никто не захотел нас слушать.

— Как вы попали на курсы Симона?

— Я клеил одну девчонку, дочку продюсера. Однажды она попросила проводить ее на курсы актерского мастерства. Я пошел из любопытства, потому что вспомнил фильм "Вход для артистов". Это было вечером в понедельник. И... как бы это сказать... меня это сразу задело. Это одно из самых прекрасных воспоминаний в моей жизни. Когда профессор в конце занятий спросил, не хочет кто-либо еще записаться, я сразу же поднял руку. Некоторое время учился у Симона, потом — у Перимони, где познакомился с Франсуа Клузе. Потом Жан-Пьер Буьве предложил мне играть в "Лорензачо". Там я познакомился с Сэмом Карманном, Жераром Дармоном, Чиком Ортегой. Переиграл весь репертуар: "Рюи Блаза", "Дон Жуана"...

— В кино вы дебютировали в 1979 году в фильме "Военврач" с Аленом Делоном.

— Да, у меня там целая реплика: "Все кончено, Жан-Мари..." Делон произвел на меня хорошее впечатление, он был очень мил и приветлив, не корчил из себя звезду.

— Многие актеры вашего поколения жаловались, что их карьеры долго не складывались из-за того, что Делон и Бельмондо не протянули им руки помощи, как в свое время сделал по отношению к ним Габен.

— У меня никогда не было иллюзий насчет кинозвезд, помогающих своим будущим конкурентам, — поэтому я не был разочарован.

— В 1984 году вы встретились на экране с Лино Вентурой в фильме "Седьмая мишень". Это была важная встреча?

— Да, это приятное воспоминание — тем более, что потом меня часто спрашивали об этом фильме. Но, честно говоря, моя встреча с Вентурой произошла в основном на экране, потому что между дублями он уходил в свою примерную. К тому же,

хотя моя роль проходит почти через весь фильм, на самом деле я работал на съемочной площадке всего три дня! Согласитесь, вряд ли за это время можно успеть подружиться.

— 1984 год стал для вас удачным — вы одновременно появились в "Подземке" Бессона.

— Да, после съемок Изабель Аджани сказала обо мне что-то лестное, и я хранил журнал с ее словами много лет! На съемочной площадке "Подземки" было какое-то особое, приподнятое настроение. Не только у меня — у всех актеров. У меня была всего одна сцена с Аджани. Бессон сел рядом с нами и сделал 18 дублей, хотя первые два были достаточно хороши и можно было обойтись ими. Но он был так счастлив, что мы играем эту сцену, ему так хотелось снимать ее снова и снова. В этот день я почувствовал нечто магическое.

— После "Подземки" был фильм "Мои лучшие друзья". Вам трудно было найти свое место рядом с Пуаре и Клавье? Сегодня они занимают вещами, прямо противоположными тому, что делаете вы.

— Мы уже тогда были на разных концах кинематографического спектра. Съемки "Моих лучших друзей" — не самое приятное воспоминание в моей жизни. Единственным положительным моментом стало обретение новых друзей — Жерара Ланвена и Жан-Пьера Даруссена. А сам Пуаре был мною разочарован — он все время это говорил и был порой очень жесток. Каждый день с утра он мне заявлял: "На читке сценария ты был великолепен. Почему я не вижу этого на съемках?" Мы буквально разбились на два лагеря: с одной стороны, Клавье и Пуаре, с другой — смутьяны, то есть Ланвен, Даруссен и ваш почетный слуга. Однажды перед съемками одной трудной сцены он сказал мне: "Невесть какой актер смог бы ее сыграть!" Наступила мертвая тишина, в которой я ответил: "Вот вам и следовало бы пригласить невесть какого актера!" Все молчали. Все, кроме Жерара Ланвена, который громко сказал: "Я согласен с тобой, Жан-Пьер". Вот тогда и родилась наша дружба.

— Вы больше не встречались с Пуаре по завершении съемок?

— Отчего же? Когда мы с Аньес поставили в театре пьесу "Кухни и подсобки", он пришел на премьеру, а потом заходил и говорил комплименты.

— Вы говорили, что поворотным пунктом вашей карьеры стала встреча с Аньес.

— Да. Это женщина моей жизни. И в творчестве, и в... (пауза) во всем остальном. Половина того, что я знаю — от Аньес.

— Вы сразу же решили писать вместе?

— Мы познакомились в 1987 году, начали вместе писать в 89-90. Я уже не помню, кому первому пришла в голову эта идея, но у нас были настолько схожие взгляды на жизнь, что не попробовать излагать их в компании друг дружки было бы странно.

— Что она дала вам в художественном отношении?

— Требовательность. Психологичность. Она настоящий психолог-специалист. Она помогла мне понять, что вещи никогда не бывают такими, какими кажутся снаружи. Что люди всегда говорят одно, а подразумевают другое. Собственно говоря, вокруг этого и вращаются все наши фильмы — они рассказывают о людских взаимоотношениях, о том, как дети зависят от родителей, и наоборот. Для нас с Аньес главное — независимость духа. Лучший комплимент, который можно мне сделать, — это сказать, что я независим. Секрет счастья — свобода в душе.

— Вместе с Аньес вы написали сценарий фильма "Чужой вкус", но Аньес поставила его в одиночку, хотя вы играете в нем вместе.

— Можете считать меня нескромным, но я считаю, что это лучшее, что у нас есть. Нам еще никогда не удавалось так точно сказать то, что мы думаем.

— Вы с Аньес удивились, когда вас пригласил сотрудничать Ален Рене?

— Да. Но в самом лучшем смысле этого слова. Больше всего нам понравилось, что он не замыкается в рамках определенных идей. Он легко перескакивает искусственные границы, возведенные идиотами. Меня поразила молодость его духа. Его мозг — новенький моторчик, работающий на огромных скоростях.

— Когда вы начали ворчать во время присуждения вам двух "Сезаров", это было от чистого сердца или только игра?

— Мои близкие знают, что я всегда такой. Остальные считают, что это был спектакль. Но я иначе не могу. Когда технические работники кино, загнанные устроителями мероприятия на барьер, пытались вручить нам свои листовки, а актеры шли мимо и делали вид, будто ничего не видят, мне стало стыдно. Я взял листовку и по возможности постарался представить на сцене интереса тех людей, с которыми мы работаем. И я горжусь своим поступком.

— Что вы хотите услышать о себе после смерти?

— "Это был честный человек".

Мишель БАЙЕН

Экран и сцена